

ЗАВЕРШЕНИЕ «ПРОЕКТА ПРОСВЕЩЕНИЯ»
 ДЛЯ ЗАПАДА И ВОСТОКА
 ЧАСТЬ III. ИМПЕРСКИЕ МОДЕЛИ
 THE FINALE OF THE “ENLIGHTENMENT PROJECT”
 FOR THE WEST AND EAST
 PART III. IMPERIAL MODELS

© 2024 **Александр Иванович Яковлев**

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор, Москва, Россия
 aliv_yak@mail.ru
 ORCID ID: 000-0001-7164-1321

Alexander I. Yakovlev

Dr. habil (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Professor, Moscow, Russian Federation
 aliv_yak@mail.ru
 ORCID ID: 000-0001-7164-1321

В данной части публикации (часть I см.: [Яковлев, 2023a], часть II см.: [Яковлев, 2023b]) рассматриваются основные характеристики трех имперских моделей, предлагавших миру в X–XV вв. свои «проекты развития»: Византийской империи, Китайской империи и Арабского халифата (позднее — Османской империи). Констатируется наличие «идеологического стержня», а также мощной централизованной власти династического государства, определявших параметры государственной и общественной жизни империи, при которых внутренние и внешние угрозы отражали бюрократический аппарат и армия. Наличие обширного природного потенциала развития — природных и демографических ресурсов, возможности внешних контактов дополнялись продуктивным сельским хозяйством, развитием ремесел, торговли и финансов в городах, а также развитием культуры (научные исследования, архитектура, литература, изобразительное искусство). В то же время обеспеченность ресурсами и стесняющая роль государства замедляли процессы внутреннего социально-политического и социально-экономического развития.

Ключевые слова: Просвещение, Византийская империя, Китайская империя, Арабский халифат, государство, империя, ресурсы, культура

Для цитирования: Яковлев А. И. Завершение «проекта Просвещения» для Запада и Востока. Ч. III. Имперские модели. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2024. № 1. С. 34–53. DOI: 10.18254/S268684310030159-2

This part (Part I see: [Yakovlev, 2023a], Part II see: [Yakovlev, 2023b]), examines the main characteristics of the three imperial models that offered the world in the 10th–15th centuries their “development projects”: The Byzantine Empire, the Chinese Empire, and the Arab Caliphate (later the Ottoman Empire). The presence of an “ideological core”, as well as the powerful centralized power of the dynastic state, which determined the parameters of the state and social life of the empire, is stated. Internal and external threats were repelled by the bureaucracy and the army. The presence of extensive natural development potential — the presence of natural and demographic resources and the possibility of external contacts were complemented by productive agriculture in the countryside, the development of crafts, trade and finance in the cities, as well as the development of culture (scientific research, architecture, literature, fine arts). At the same time, the provision of resources and the constraining role of the state slowed down the processes of internal socio-political and socio-economic development.

Keywords: Enlightenment, Byzantine Empire, Chinese Empire, Arab Caliphate, state, empire, resources, culture

For citation: Yakovlev Alexander I. The Finale of the “Enlightenment Project” for the West and East. Part III. Imperial Models. *Oriental Courier*. 2024. No. 1. Pp. 34–53. DOI: 10.18254/S268684310030159-2

ПОЧЕМУ ЕВРОПА?

Почему именно Европа оказалась генератором исторического развития, почему начиная с XVIII в. именно европейский проект был положен в основание последующего развития в глобальном масштабе? *Предопределенность* это или *случайность*? — подобные вопросы до сих пор занимают многих исследователей, экономистов, историков, антропологов.

В эпоху Средневековья возникли разные модели развития общественной системы, среди которых выделим Византийскую и Китайскую империи и Арабский халифат, основанные на различных цивилизационных опорах, но в равной мере продемонстрировавших достаточно успешные варианты (модели) социально-экономического, политического и культурно-

духовного развития¹. Вплоть до XII–XV вв. эти государственные образования обладали достаточным потенциалом, чтобы предложить миру свою модель развития, свой глобальный проект. Этого не случилось. И, прежде чем рассмотреть состояние названных государств-цивилизаций в Средние века, отметим общую черту: несмотря на цивилизационные различия, их всех объединяла имперскость.

Стоит обратить внимание на понятие «империя», включающее в себя идеологическую составляющую, некую миссию, которую империя принимала на себя и несла вовне. «Взлеты и падения империй в большой степени определяют основные ценности и идеологии своих эпох», — отметил Д. Ливен [Ливен, 2007, с. 27]. В Византии и в Халифате то была миссия религиозная или псевдорелигиозная, основанная

¹ По современной оценке, при пересчете общего богатства древних царств и империй в граммах серебра на душу населения, в Древнем Риме оно составляло от 17 до 21 г, в начале XIII в. оно составляло во Франции всего 2,4 г, в Англии — 4 г, в IX в. в Арабском халифате — 48 г, в Китае — 43 г. (см: [Мошенский, 2022, с. 70]).

на мировой монотеистической религии. Как бы то ни было, ценности и идеи империи составляли ее идеологический каркас, в то время как хозяйство, социальная жизнь, деятельность государственного аппарата и армии этот каркас наполняли.

На Западе, при сходстве побуждающих к развитию тенденций, имперскость такого типа в то время отсутствовала. Позднее, уже в эпоху Просвещения страны Запада проявили свою имперскость и в государственности, и в идейной миссии, формируя не только экономическое и политическое пространство своих империй, но и определенное идейно-культурное пространство на основе идеалов и ценностей Просвещения. У них это получилось в эпоху Модерна, так же как ранее, до Модерна — у Византии, Китая и Халифата, не сумевших, тем не менее, сохранить позиции лидеров.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: «БЛАГОЧЕСТИЕ ВЫШЕ БЛАГОСОСТОЯНИЯ»

В Византийской империи, в IV в. отказавшейся от идейного наследия Римской империи, «государственный идеал заключался в уважении земного порядка, зафиксированного Богом в Его книге — Библии...» — писал А. Гийу [Гийу, 2005, с. 392]. Если Римская империя поставила своим идеалом мощь государства, перед которым все склонялось, то в Византии церковь, направлявшая жизнь в православном единстве государства и подданных, сформулировала иной государственный идеал: «*благочестие выше благосостояния* (курсив наш. — А. Я.)» [Гийу, 2005, с. 394]. Впрочем, это не мешало развиваться по имперской логике, сочетая территориальную и

идейную экспансию, хотя идеальный образ *всемирной империи и вселенской церкви* виделся скорее мифом, чем реальностью. По утверждению прот. Иоанна Мейендорфа, «Византия никогда не отказывалась от римского идеала всемирной империи, который Евсевий Кесарийский трактовал как провиденциальное выражение земной власти самого Христа» [Мейендорф, 2018, с. 371]². Даже ослабев в XI в. и воспринимая влияние Запада, Византия продолжала играть «столь привычную для нее ведущую роль в интеллектуальной и идеологической областях» [Мейендорф, 2018, с. 370]³. Отметим также, что церковь обрела новые черты и характер, отвечая целям и интересам императора Константина.

Добавим, что «в силу греко-римских республиканских традиций, государственная власть в Византийской империи являлась публично-правовым институтом и не рассматривалась как «собственность» правителя и его семьи. Легитимность и полномочия императора всегда были политически связаны с обществом, которое в лице представителей «народа», сената и армии делегировало власть достойнейшему... Сакрализация власти достигалась выдвижением благочестия на первый план в ряду императорских добродетелей и через формирование образа правителя как примера для подданных прежде всего в религиозных делах» [ЛЭ, т. 8, 2004, с. 127, 128].

Таким образом, актуальным для Византии и ее восприятия тогдашним миром был образ не просто империи, но *православной империи*. По характеристике Иоанна Мейендорфа, «Константинополь стал бесспорным центром христианского правоверия на Востоке, а после великой схизмы между Востоком и Западом он приобрел первенство в православии в целом... В других

2 Протопресвитер Иоанн Мейендорф приводит текст стихир, обращенной ко Христу: «Августу единоначальствующу на земли, Многоначалие человекв преста; И Тебе вочеловечшуся от Чистыя, Многобожие идолов упразднися, Под едином царством мирским Гради быша, И во едино владычество Божества Языцы вероваша». Он заключает, что стихира, постоянно повторяемая в великие праздники, отражала четкое политическое мировоззрение и несомненно «влияла на сознание рядового византийца» [Мейендорф, 2018, с. 371].

3 По знаменитому выражению Р. Байрона, Византия явила собою «тройное слияние»: римского тела, греческого разума и мистической души [Браунворт, 2012, с. 10].

христианских традициях, западных и восточных, давших богатые плоды святости, но — по крайней мере, с православной точки зрения — именно Византия сохраняла ту вероучительную целостность, ту подлинность, которые сегодня делают наше православие православным» [Мейендорф, 2018, с. 388]. Светская власть, сделавшая христианство государственной религией, видела себя не только «охранителем» церкви, но и нередко активно вмешивалась в церковные проблемы в силу того, что они воспринимались уже как церковно-государственные. Это вмешательство не всегда оказывалось во благо церкви, так как у империи и императоров имелись собственные интересы. Христианство же определяло систему ценностей византийского общества, те нормативные установки, которые свободно принимались народом империи или насаждались под давлением государства.

В течение тысячелетия существовало и развивалось пространство византийской культуры, скрепляемое не только христианской верой, евангельской системой ценностей, но и греческим языком, ставшим господствующим для политики, культуры и богослужения (см.: [Гийу, 2005, гл. 6, с. 315–394]). Возникает *икона* — сакральное изображение, имеющее больший смысл, чем обычный рисунок. Икона стала не только свидетельством исторических событий церковной истории, но и выражением догматов христианской веры, зримым образом молитвы. Икона раскрывает глубокий духовный смысл богослужения, равно как слово и песнь литургии. В IV–VI вв. формируется канон иконописного изображения, вобравший в себя раннехристианскую символику знаков (крест, якорь, рыба, агнец, корабль), но развивавшийся в изобразительной традиции. На Западе в эпоху Возрождения на смену канонической иконе пришла светская религиозная живопись, но в европейских странах перенесли отношение к картине с религиозным сюжетом как к сакральном образу.

Культура — это сохранение знаний и смыслов. В Византийской империи читали труды Евкли-

да, Архимеда, Платона, Аристотеля, Плотина, Прокла, Люциния, Аврелия Аристида, Гомера, Пиндара, Афения, Марка Аврелия Страбона и др., то есть, сохраняли обширные знания античности. Культура — это передача знаний и смыслов через письменность: писцы переписывали тексты на пергаменте и бумаге, заимствованной у арабов, узнавших ее у китайцев. Переписывали не только Священное Писание, богослужебные тексты, жизнеописания святых, но и произведения светской литературы (поучительные романы, поэтические произведения, исторические хроники, географические книги). С IX по XIV в. существовали два десятка мастерских писцов, в том числе при монастырях и частных библиотеках, а самой крупной оставалась императорская библиотека. Библиотек было немного из-за дороговизны книг.

Образование в империи носило светский характер и следовало в русле античной школы, однако в VI в. по приказу императора Юстиниана в Афинах закрыли академию, бывшую центром античной системы образования. **В 425 г. усилиями императора Феодосия II в Константинополе был открыт первый и единственный университет (Аудиториум)** [Еремеев, 2012, с. 142]. Образование было элитарным, его доступность ограничивалась необходимостью платить за обучение, но были светские начальные и средние школы (монастырские школы имели меньшее значение); в середине XI в. открыли юридическую и философскую школы для подготовки чиновников. В Византии сохранялись традиции античной образованности, и до XII в. просвещение в Восточной Римской империи находилось на более высоком уровне, чем где-либо в Европе. Образование давали и девочкам, поэтому женщины в Византии играли необычайно большую роль, можно вспомнить мать Константина Великого царицу Елену или жену императора Юстиниана Великого императрицу Феодору.

Литература Византии опиралась на традиции древнегреческой и римской литератур и на предания Ветхого и Нового Заветов. Наряду с

литургической поэзией Романа Сладкопевца успехом пользовались исторические повествования Прокопия Кесарийского, жития святых и хроники, возникли эпос и роман. По мнению А. П. Каждана, «захват Константинополя крестоносцами практически покончил с предренессансными явлениями в литературе Византии» [БСЭ, т. 5, 1950, с. 46].

Культура — это также создание новых знаний и смыслов. В империи развивалась философская и богословская мысль. Интеллектуальные и богословские споры привлекали большое внимание, стоит назвать лишь труды великих богословов — святителей Афанасия Александрийского, Василия Великого, Григория Богослова, блаженного Августина, Иоанна Дамаскина, Симеона Нового Богослова, Григория Паламу и Николая Кавасила. Трудно переоценить воздействие на европейскую интеллектуальную культуру хотя бы трудов блаженного Августина и преподобного Иоанна Дамаскина. Развивалась и юридическая наука, начало которой было положено в VI в. систематизацией римского права, составлением сводов гражданского права, на которых и базировалось византийское право, наряду с существованием церковного канонического права.

В Византии продолжали не только читать и комментировать поэмы Гомера, но на основе античного наследия занимались математикой, физикой, медициной, ботаникой, философией, географией и астрономией, хотя и не достигли в них больших высот. Стоит отметить достижения византийцев Прокла Диадоха в V в. и Льва Математика в IX в. (геометрия и алгебра), Иоанна Филопона в физике, византийские алхимики положили начало химии, а медики систематизировали знания античных авторов по внутренним болезням и их лечению, святитель Василий Великий в 370 г. положил начало созданию специализированных медицинских

клиник. Евсевий Кесарийский в III–IV вв. создал новое направление в историографии, рассматривая историю человечества не как результат совокупных человеческих усилий, а как телеологический процесс.

Особое место в культуре Византии в XI в. занимает личность и деятельность ученого-энциклопедиста и государственного деятеля **Михаила Пселла**. Ему принадлежат естественно-научные труды, риторические сочинения (надгробные и обвинительные речи), работы по богословию, философии, филологии, медицине, праву, музыке, астрономии и поэтические сочинения, а также шедевр византийской исторической прозы автобиографическая «Хронография», которой присущи психологизм и исследование эволюции характеров персонажей. Пселл опирался на патристическую традицию, но стремился сочетать идеи отцов Церкви и античных авторов, в связи с чем подвергался обвинениям в симпатии к языческой мысли [ЛЭ, т. 46, 2017, с. 8–14]. Михаила Пселла можно назвать просветителем до Просвещения.

Точно так же, как в научной сфере, унаследовав достижения античной техники в сельском хозяйстве (деревянный плуг, искусственное орошение), кораблестроении (косой парус), строительстве (акведуки, водопроводы) и ремесле (ювелирное, шелкоткацкое, гончарное), византийцы не стремились к их радикальному усовершенствованию. Природный и хозяйственный потенциал государства был настолько велик, что позволил им до XII в. оставаться передовым хозяйством в Европе. Довольство существующим порядком не виделось опасным, в то время как в перспективе вело их к отставанию от арабов и западноевропейцев.

Отражением жизненных установок в империи стало византийское искусство, которому были свойственны «высота интеллектуального начала, умение сложно мыслить и тонко чувствовать»⁴,

4 «Когда мы пробуем проникнуть в красоту Византии, — писал П. П. Муратов, — нас поражает ее крайняя сложность. В ней нет ничего простого, природного, свободного, ничего, что давалось бы человеку легко, вместе с воздухом полей, светом солнца и шумом рек. Это самое комнатное, самое “искусственное” их всех искусств. Оно представляет полную противоположность итальянскому искусству, освобожденному Джотто...» [Муратов, 1994, с. 95–96].

что реализовывалось в стремлении «противоречие между телом и духом... заменить гармоническим одухотворением плоти» [Колпакова, 2005, с. 6, 11]. В ранний период искусства Византии происходит поразительный взлет архитектуры, примером чего остается храм Святой Софии в Константинополе (Стамбуле). На высоком уровне развивались книжная миниатюра, в которой использовались античные и библейские сюжеты, церковное пение.

В поздний период в художественной жизни империи происходит взлет церковной живописи. «Монастырская программа легла в основу обновления художественного языка византийской живописи в начале XIII в. В атмосфере сдержанной и углубленной духовности, аскетической мысли, аскетического поиска родилась реакция на все избыточное, экстравагантное в искусстве конца XII столетия, — отмечает Г. Колпакова. — Однако в данном случае сами характеристики нового стиля — искусства несвоевольного, неактивного, смиренного, художественно потаенного, эмоционально скрытного — свидетельствуют об истоках его происхождения» [Колпакова, 2010, с. 15]. А также, добавим мы, о господствующем направлении мировоззрения в империи.

В политическом отношении Византия пережила несколько катастрофических потрясений, что хорошо видно по картам империи. Ее границы в IV–VI вв. (с 395 г. — начала окончательного обособления Восточной империи от Западной) охватывают часть Пиренейского полуострова, Апеннинский полуостров, все Балканы и малую Азию, Египет и прибрежную часть Северной Африки, в VII–XI вв. после войн с арабами и болгарами они уже проходят по Балканам, Греции и Малой Азии, экспансия крестоносцев разрушает единое государство на несколько частей, которые вновь соединяются, но уже в намного меньших размерах, составив к середине XV в. небольшую область вокруг Константинополя.

Подчас забывается геополитическое значение противоборства Византии с противниками. Между тем, «во время критического периода раннего Средневековья, когда арабы вышли из пустыни, чтобы захватить святые места иудеев и христиан и хлеботорные области Египта, им путь преградил только Константинополь». Иначе еще в VII–VIII вв. покорив Ближний и Средний Восток, арабы использовали бы потенциал Византии и двинулись на европейский континент и на Балканы. Византия сохранила восточную часть бывшей Римской империи и сдержала экспансию мусульманского Востока, ограничившуюся Сирией, Египтом, южным Средиземноморьем и Испанией, благодаря чему смогла развиваться западная часть, принявшая название Европа [Херрин, 2018, с. 361].

Катастрофический удар Запада по империи в ходе Четвертого крестового похода в 1204 г., разграбление и разрушение «христианскими воинами» Константинополя, столицы христианского государства⁵, наряду с деятельностью венецианцев и генуэзцев, нанесли непоправимый урон государству, хозяйству и культуре империи. Показательно, что папа Иннокентий III вознамерился взять Константинопольский патриархат под свой контроль, не разрешил греческому духовенству избрать своего главу церкви и в 1204 г. утвердил там «латинского» патриарха Томмазо Морозини [ЛЭ, т. 8, 2004, с. 177]. Крестоносцы, в свою очередь, для оправдания жадности и беспринципного «осквернения древних христианских святынь, убийства, насилия и жестокости по отношению к собратьям по вере» насаждали клевету, осуждая византийцев как «схизматиков, еретиков и лжецов» [Херрин, 2018, с. 371]. Таким образом, сокрушительные удары были нанесены по основным сферам общественной жизни империи: экономической, военно-политической и духовной.

Из сказанного проистекают истоки европейской нетерпимости и враждебности к «грекам». Эти процессы стали необратимым поворотным

5 Стоит вспомнить квадригу работы Лисиппа, похищенную венецианцами на ипподроме Константинополя и водруженную на фронтоне храма св. Марка в Венеции.

рубежом в отношениях между греческой и латинской частями церкви⁶. В условиях ожесточившейся национальной и культурной вражды между латинянами и греками раскол (схизма) стал неотвратимой реальностью не только в церковной жизни, но и в пространстве европейской цивилизации, которая постепенно и необратимо по нарастающей расщепляется на восточную, православную и западную (атлантическую) части.

Противостояние с Западом стало лишь одним из факторов, ослаблявших Византию, проблемы возникали во внутреннем развитии. Нередко те или иные достоинства оборачиваются слабостями, так и в Византии высокая степень иерархизации общества сдерживала социальную активность; государственный идеал — почитание существующего земного порядка, зафиксированного в Библии — ограничивал творческие искания; устойчивая структура экономики удовлетворяла потребности империи, но не сумела приспособиться к имперской экспансии, не породила изобретения и совершенствования средств производства: «византийская культура старательно хранила ценности прошлого и осторожно относилась к настоящему — вот отличительная черта этой цивилизации» [Тийу, 2005, с. 393]. Такая *обращенность вспять* суживала горизонт развития.

А. А. Васильев отмечает слабость расколотой элиты в период правления Палеологов и сильное давление внешнего фактора [Васильев, 1998, с. 387]. Среди духовенства крепло течение зелотов («ревнителей чистоты веры»), стремившихся к отдалению церкви от государства и исповедовавших превосходство духовной власти над светской. Причины постепенного ослабления самодержавной власти императора состояли в узкой социальной опоре и в том, что, в отличие от Запада, она не была ограничена законом и рассматривалась как договор власти с народом. Империя по-прежнему пыталась проводить экс-

пансионистскую политику, но сталкивалась со все более агрессивным противодействием.

С XI в. Византия была вынуждена вести тяжелые войны с турками-сельджуками и норманнами, затем с воинством Священной Римской империи, поддерживаемой Римом (папство стремилось подчинить восточные церкви). На завоеванных крестоносцами землях возникла Латинская империя (1204–1261 гг.), где латиняне подавляли греческую культуру и православие, а господство торговцев Венеции и Генуи препятствовало развитию городов. В начале XIII в. император Михаил VIII Палеолог смог отвоевать Константинополь и утвердить у власти свою династию, но территория империи значительно сократилась, а былая мощь непоправимо ослабла.

В то же время на протяжении истории географическое положение империи не только обрекало ее на роль объекта притязаний ближних и дальних соседних держав, но и способствовало активным и разнообразным связям с внешним миром, обогащавшим общество и способствовавшим его развитию. Константинополь до XII в. оставался центром транзитной торговли между Востоком и Западом; диалог культур обеспечивал интенсивность развития. Позднее торговля стала переходить в руки венецианцев и генуэзцев, получивших от императоров немалые привилегии, а византийцы все более замыкались в своем экономическом и культурном пространстве.

На протяжении столетий в византийском обществе шли процессы социально-экономического развития, подкрепляемые реформами власти, начиная с реформ Юстиниана I (VI в.). Усиливалась специализация в сельском хозяйстве и ремеслах, в деревне преобладала свободная сельская община. Экономическую прочность империи обеспечивало сочетание эффективно-го земледелия, высокоразвитого ремесленного производства и активной внешней торговли.

6 Иоанн Мейендорф в качестве важного идеологического фактора церковного раскола называет идею «реформированного» папства, включающего полномочия не только «императора Запада», но главы вселенской церкви, проводимую папами Григорием VII и Иннокентием III [Мейендорф, 2018, с. 382–383].

В XI–XII вв. происходило разложение крестьянской общины. По характеристике З. В. Удальцовой, «спецификой феодализма в Византии было сочетание сеньориальной эксплуатации зависимых крестьян с взиманием централизованной ренты в пользу государства» [БСЭ, т. 5, 1950, с. 41]. Государство проводило реформы в интересах торгово-ремесленной верхушки в городах, развивалась финансовая сфера, шла унификация форм собственности, уравнивались гражданские права населения, совершенствовалась фискальная политика и правовая система. Наряду с административными реформами усиливалась централизация государства, опиравшегося на разветвленный бюрократический аппарат. Внутривизантийская жизнь подчас обретала четкие формы: так в IV–VIII вв. в городах действовали протополитические партии, выросшие из групп болельщиков в цирках и на ипподромах: *венеты*, выражавшие интересы знати и верхушки бюрократии, и *прасины*, ставшие выразителями мнений торгово-ремесленной верхушки (и проявлявшие симпатии к монофизитской ереси), и стоявшие за восстанием «Ника» в Константинополе в 532 г. Иначе говоря, при господстве охранительного консерватизма в идеологии постепенно вызревали предпосылки современного общества, но военные неудачи и политическая слабость власти не давали возможности их реализации. Возможно и иное объяснение: неготовность византийского общества принять альтернативу «христианскому проекту», иную систему идеалов и ценностей.

Используя наши понятия, признанием неудачи «византийского проекта» стала попытка присоединиться к «западноевропейскому проекту»

путем заключения Флорентийской унии в 1439 г., то есть, подчинения православной империи и церкви папскому престолу⁷. К тому времени политическая атмосфера на христианском Востоке была уже гораздо более напряженной: разгром турками Сербии и Болгарии, с одной стороны, и с другой — неудачные попытки византийских императоров заключить оборонительный союз с Западом, ставили Восточную империю в критическое положение. В то время в Византии существовала «православная националистическая партия, боровшаяся против идеи унии не только из-за боязни потерять чистоту греческого православия, но также из-за того, что помощь Запада, купленная ценой унии, повлечет за собой политическое преобладание Запада на Востоке» [Васильев, 1998, с. 381]. Иначе говоря, греков страшило не только грядущее турецкое владычество, но и его возможная альтернатива — латинское владычество. Но власть сосредоточилась на решении текущих задач — собственного выживания. В 1439 г. на Ферраро-Флорентийском соборе византийцы — император Иоанн III, константинопольский патриарх Иосиф, ярый противник унии митрополит Марк и высокообразованный сторонник унии Виссарион, а также московский митрополит Исидор — разделились, но уния была подписана⁸. Решение власти было отвергнуто народом и православным клиром, оставшимися верными идеалам «христианского проекта». Заискивание и унижение власти перед папами, западными европейцами и турецкими султанами ослабляли в глазах народа власть византийского василевса. Между тем, государственный аппарат слабел, финансовые ресурсы истощались, возможности содержать большую армию не

7 Примат государственных интересов над церковными, разрушавший внутреннюю ткань византийского общества, обнаружился с очевидностью в 1274 г., когда император Михаил VIII Палеолог согласился на предложение папы Григория X о принятии греками латинского Символа веры и признании главенства папы на Лионском соборе. Уния с Римом обеспечивала императору антитурецкий союз. Но тогда византийское духовенство категорически воспротивилось этому, а папа внезапно скончался, и союз кончился ничем [Васильев, 1998, с. 291].

8 Вокруг не подписавшего унию митрополита Марка Эфесского сплотилась многочисленная православная партия, и члены делегации, подписавшие унию, отзывали свои подписи. Митрополит Исидор, названный в Москве «волком» и заключенный в монастырь за подпись унии, был вынужден бежать из Москвы в Рим [Васильев, 1998, с. 384].

оставалось. **Константинополь стал городом-государством.**

Ослабление государства сопровождалось ослаблением единства народа, а доктринальные споры и конфликты раскалывали элиту, составлявшую ядро государственности. «При незначительности территории восстановленной империи Палеологов и при ее постоянном уменьшении, при непрекращающихся угрозах со стороны норманнов, турок, сербов, венецианцев и генуэзцев, империя перешла при Палеологах в разряд второстепенных государств и не могла жить правильной, налаженной внутренней жизнью. Расстройство во всех частях государственного механизма и упадок центральной императорской власти являются отличительной чертой этого периода» [Васильев, 1998, с. 287]. Нарушение равновесия общественной системы требовало согласованной реакции власти и общества ради создания нового баланса сил, но этого не случилось.

Более яркую характеристику дал С. Рансимен: «Византийцы прекрасно понимали, что их история полна слабости, глупости, гордыни, тщеславия и алчности. Они верили, что так проявилась их греховность, ставшая причиной их упадка и окончательного разорения. Однако идеал сохранял свое высокое достоинство, как бы далеко ни отступило его практическое воплощение. В Византии искренне пытались создать христианскую человеческую общность, которая была бы созвучна небесной» [Рансимен, 1998, с. 225–226].

В то же время, в условиях краха государственности гибнущая Византия оставалась «центром живой и высокой культуры, умственной и художественной» [Васильев, 1998, с. 399]. По словам С. Рансимена, «византийцы верили, что они

обязаны сохранить (консервировать) великие культуры прошлого, Греции и Рима, которым они наследовали, напитавши их духом христианства, так чтобы цивилизация не погибла в темном и неверном мире» [Рансимен, 1998, с. 225]. Тем самым они внесли вклад в формирование итальянского (латинско-эллинского) Возрождения и не только его. По словам папы Бенедикта XVI, «встреча между христианством и греческой философией... создала Европу и остается основанием того, что по праву можно назвать Европой. [...] Без Византии не было бы Европы», — заключила Дж. Херрин [Херрин, 2018, с. 361, 366], но не все были согласны с ними⁹.

По точному замечанию Ле Гоффа, падение православной империи, признанного политического и религиозного центра, «в долгосрочной перспективе устранило одно препятствие для единства Европы» [Ле Гофф, 2014, с. 297], то есть, Западной Европы, представлявшей себя отныне единственным центром христианства. Европа отплатила черной неблагодарностью. Византийская империя рухнула, но на другом конце земли существовала и крепла древняя Китайская империя.

ПОДНЕБЕСНАЯ ИМПЕРИЯ, НЕСРАВНЕННАЯ И НЕДОСТИЖИМАЯ

«Ни одна из цивилизаций, существовавших в средние века, не могла сравниться по уровню развития с Китаем», — констатировал П. Кеннеди [Кеннеди, 2018, с. 31]. Двукратное превосходство в численности населения над Европой (100–130 млн. против 50–55 млн. чел в XV в.), чрезвычайно плодородные земли, выстроенная

9 В эпоху Просвещения формируется негативное восприятие Византии, начало которому положили Монтеスキё, отвергавший «греческую империю» из-за избыточной власти монахов, и Вольтер, заклеивший ее как «позор для человеческого разума». Гиббон считает Византию лишь пассивным соединительным звеном между античностью и европейской культурой, а историк У. Лекки определяет историю «посредственной» империи как «монотонную цепь интриг священников, евнухов, женщин, череду отравлений и заговоров» [Херрин, 2018, с. 360]. В вышедшем в Москве в 2012 г. учебнике коллектива авторов «История мировых цивилизаций» истоки проекта Просвещения выводятся прямо из Римской империи [История мировых цивилизаций, 2012, с. 44].

иерархическая система управления государством, развитие науки и технических знаний, эффективная система образования, — все это крепит потенциал Китайской империи и «китайского проекта».

Важной чертой развития империи было существование сильной государственной власти с развитой бюрократической системой. Первое в истории Китая государство с централизованным управлением было создано еще в III в. до н. э. и обладало государственной идеологией (легизм). На протяжении столетий выработалась и утвердилась «характерная национальная черта китайцев» — «относительно высокий уровень исторического самосознания», объясняемый не только «влиянием конфуцианства с его поклонением древности, но и спецификой национальной культуры, ориентированной во многом на древность и историю» [Переломов, 1981, с. 4].

Если в Византии христианство определило особый характер цивилизации, то в Китае это делало сочетание конфуцианства, буддизма и даосизма, эти «три учения» сыграли роль системообразующего фактора китайской цивилизации. Их отличия от христианства составляли преобладание рациональной этики над мистикой и метафизикой, терпимое отношение к остаткам языческих культов и соединение жрецами функций духовных учителей и государственных администраторов. Учение Конфуция утверждает существование духовного мира в форме Неба и сонма предков, признает необходимость совершения ритуала, в том числе — жертвоприношения. Учение об идеале личности целиком обращено к земной жизни человека, которому предлагает идеал *благородного мужа*, исполнителя воли Неба, обладающего «пятью добродетелями» и сочетающего личное совершенствование со служением людям. Достижение этого идеала возможно путем воспитания в семье (отсюда концепция «сыновней почтительности») и в государстве, а также через получение образования, прежде всего — исторического. По учению Конфуция, государство — это боль-

шая семья, и, как и в «малой» семье, здесь следует стремиться к добродетельному правлению и достижению гармонии. В конфуцианский книжный канон входят «И цзин» («Книга перемен»), «Ши цзин» («Книга песен») и еще восемь книг [Корытко, 2017, с. 265–267].

Погруженность человека в малый и большой социум (семья и государство) подразумевала нивелирование личности, отрицание ее права на духовную свободу, воспитывало культ древности и формировало поведенческий стереотип послушания и консерватизма. Показательно, что миссионеры-иезуиты в XVII–XVIII вв. воспринимали конфуцианство как часть гражданского ритуала (См.: [Торчинов, 2001]). Уже в III в. до н. э. начинается общенациональное почитание Конфуция, в последующем при покровительстве императора проводится унификация тестов канона, ставшего полноценной сакральной мировоззренческой системой, формируется официальный культ Конфуция.

Даосизм («Учение о пути»), создателем которого в VII–VI вв. до н. э. считается Лао Цзы, возник как оппозиция конфуцианству. В то же время он близок конфуцианству своим пассивным отношением к жизни, доходившим до культа *недеяния*. Предлагаемый идеал ухода от мира к природе повлек за собой отрицание различия добра и зла, красоты и уродства, богатства и нищеты. Цель существования человека — достижение единства с Дао, которое и первоначало, из которого возникает всякое бытие, и одновременно базовый закон бытия. Эта цель достижима путем медитации и психофизических упражнений [Корытко, 2017, с. 226–252].

Буддизм, будучи «религией без Бога», предлагает человеку для достижения «просветления» руководствоваться «Четырьмя благородными истинами» [Бонгард-Левин, 2008, с. 190]. Он привнес в VII в. в духовную жизнь Китая свою сотериологическую концепцию рая и ада и пантеон различных божеств, а в культуру Китая — культовые зодчество и изобразительное искусство. Конфуцианство ответило на этот вызов явлением неоконфуцианства.

В целом, «Три учения» образовали особый духовно-культурный феномен и, не будучи в строгом смысле слова религиями, не имея централизованной системы организации и вероучительного центра, столетиями играли важную роль регулятора и компенсатора в социальной и духовной жизни страны. Они способствовали принятию в китайской цивилизации эволюционистской модели мира как организма, все части которого взаимосвязаны и взаимозависимы, причем в отличие от европейской мысли, базирующейся на аристотелевской логике, ведущей к рационализму, в китайском мировоззрении отсутствовали начала антропоцентризма.

Развитие научных знаний в значительной мере было связано с существовавшей с IV в. до III в. до н. э. своеобразной научной академией Цзы-ся в столице государства Ци. Развивались математика, астрономия, алхимия, медицина, география. Еще в VIII в. до н. э. начинается обработка железа, а в 500 г. до н. э. — производство чугуна; в III–V вв. изобретен фарфор; во II в. до н. э. составлена древнейшая в мире медицинская книга «Нейцзин», в III в. появляется фармакология, в хирургии операции проходят с применением наркоза. Во II в. до н. э. развиваются математические исследования (понятие отрицательных величин, извлечение квадратных и кубических корней), опередившие европейские на тысячелетие. В 105 г. была изобретена бумага, в 1024 г. появились бумажные деньги, в 1045 г. изобретен разборный шрифт для книгопечатания, в VIII в. изобретены механические часы. Огромный вклад в историческую науку внес Сыма Цянь (145–86 гг. до н. э.), в «Исторических записках» которого предпринята попытка описания и осмысления огромного исторического периода в истории Китая. В VII в. была создана Палата ученых, в обязанности которой входило проведение научных работ и составление энциклопедических словарей (просуществовала до 1911 г.).

Власть была заинтересована в экономическом росте, особенно в развитии торговли, в такой мере, что, по мнению С. Мошенского, «в те

далекие века берет свое начало китайский государственный капитализм, для которого частные предприниматели были полезны лишь до тех пор, пока они действовали в интересах государства» [Мошенский, 2022, с. 86]. Государство организовывало и осуществляло грандиозные строительные работы — были построены Великий канал, Великая Китайская стена, велось ирригационное и дорожное строительство. В крупных городах возник немалый слой профессиональных торговцев, появились их профессиональные объединения (*дидань*), использовались долговые документы и бумажные деньги (с 1160 г.), утвердились финансовые инструменты кредит и ростовщичество, а в китайских портах существовали немалые колонии иностранных, преимущественно, арабских купцов. Китайский шелк и китайский чай были главными экспортными товарами.

В потоке бурной внутривосточной жизни в Китае не ставились под сомнение идеалы *добродетельного правления и уважения традиций*. Минский Китай в начале XVI в. утверждал себя как «истинный центр мировой цивилизации», а окружающий мир рассматривался как «варварская периферия, с которой возможны лишь вассальные отношения» [История Китая, 2004, с. 257].

На протяжении тысячелетия характер китайской цивилизации определялся *верностью мудрости древних*, познавших «волю Неба».

В то же время, показателем материальной мощи Китая стали в 1405–1433 гг. семь известных морских экспедиций Чжэн Хэ к государствам Юго-Восточной Азии, к берегам Индии, Цейлона, Персидского залива и восточного побережья Африки (на что в то время Европа не была способна) [История Китая, 2004, с. 258]. В стране развивались коммерция и частный капитал, шел огромный научно-технический прогресс (развитая система каналов, эффективные агротехнологии для интенсивного ведения сельского хозяйства, железоделательное производство, астрономические часы, книгопечатание, бумажные деньги). По мнению Р. Б. Вонга,

процесс постоянного экономического роста — при поддержке государства — сопровождался в Китае развитием прав частной собственности, появлением юридически защищенных договорных отношений между субъектами экономической деятельности и рынков, которые устанавливали цены [Кембриджская история капитализма, т. 1, 2021, с. 178]. Недоставало лишь индустриализации, чтобы китайская модель совпадала с европейской моделью капитализма (переход от торгового к промышленному капитализму).

Показательно, что китайцы воспринимали свое общество как самодостаточное, с древности и до наших дней не сомневаясь в культурном превосходстве над соседними и всеми иными народами. Взаимодействие между буддизмом, даосизмом и конфуцианством не обрело той конфликтной остроты, как между различными течениями в христианстве и исламе, а противоречия между конфуцианством и легизмом проявлялись преимущественно в борьбе элит. По замечанию Д. Ливена, «религиозная культура Европы и Ближнего Востока гораздо чаще порождала идеологические возмущения, чем конфуцианская политическая культура, ориентированная скорее на поведение, чем на веру, и охотно допускающая в свой пантеон региональные культы и божества» [Ливен, 2007, с. 88]. Самобытная литература и история, архитектура и живопись достигли в Китае высокого уровня, отражали свойственное тому времени понимание мира и человека. Наконец, культурно-цивилизационное пространство скреплял общий китайский язык, благодаря утверждению еще первым императором объединенного Китая Цинь Шихуаном стандартизированной китайской системе иероглифического письма.

Подъем нового мирового центра был прерван вторжением маньчжуров и усугублен глубоким внутренним кризисом, приведшим к падению династии Мин. В 1436 г. императорским указом в стране запретили строить морские суда, верх взял консерватизм конфуцианской бюрократии, нацеленной на сохранение существующе-

го. «Китай решил отвернуться от остального мира», — констатировал П. Кеннеди [Кеннеди, 2018, с. 33]. Последовавшие за этим демографический взрыв и социально-экономический подъем XVII–XVIII вв. уже ограничивались границами империи. Имперской тенденции к экспансии и развитию стали препятствовать государственная централизация, социальный консерватизм и идеологический конформизм. Династический кризис в сочетании с усилением государственной эксплуатации китайской деревни вели к нарастанию социальной напряженности в обществе, чем воспользовались в своих интересах внешние силы — европейские страны. Все это остановило дальнейшее раскрытие потенциала китайского общества, которое, по существу, добровольно отказалось от дальнейшего раскрытия «китайского проекта».

ВОЗВЫШЕНИЕ И ПРОЦВЕТАНИЕ АРАБСКОГО ХАЛИФАТА

Арабский халифат в VIII–XII вв. также законно претендовал на универсальность своего проекта по политическим, военным, экономическим, религиозным и культурным показателям. В результате арабских завоеваний возникло огромное государство, простиравшееся от Пиренеев на западе до Инда на востоке. В этом геополитическом пространстве впервые со времен Александра Македонского объединились Восток и Запад, наследие европейской Античности и древних культур Востока, прежде всего — Персии времен династии Сасанидов. В VIII–XI вв. в этом пространстве, соединяемом помимо политической власти халифа одним языком и одной религией, бурно развивались арабская наука, культура и экономика, успешно заимствованные впоследствии европейцами.

«Экономическое процветание в период так называемого Золотого века ислама основывалось... на растущей продуктивности сельского хозяйства», — отмечал Ш. Памук. — Экономика Халифата «характеризовалась мощной сетью городов и широким спектром производствен-

ной деятельности. Процессы все более глубокого разделения труда, роста новых профессий и умений в сферах производства и услуг, а также в сельском хозяйстве, высокий уровень грамотности, длинный список технических нововведений указывают на то, что это был период интенсивного роста и экономического расцвета... В этот период развились сложные институты предоставления кредитов, коммерческие и другие деловые партнерства, дальняя торговля и судоходство. Эти институты были завезены в Италию в VIII или IX веке, заложив основу европейской комменды и способствуя развитию европейских институтов бизнеса, коммерции и финансов в последующие века» [*Кембриджская история капитализма*, т. 1, 2021, с. 267].

Большую роль в поддержании и развитии сельского хозяйства стало играть государство. Его естественной целью было обеспечение материального процветания государства на основе возрастания численности населения, для чего следовало наращивать объемы продовольствия. Центральная власть предпринимала работы по осушению и ирригации, тем самым поддерживая существующий объем пахотных земель и содействуя его увеличению. «По сути, чтобы обеспечить процветание, вмешательство государства было необходимо. От его действий, технически и материально недоступных для частных лиц или даже целых деревень, зависел подъем агрикультуры» [Сурдель Д., Сурдель Ж., 2006, с. 295]. Тем самым объективно закладывалась долгосрочная тенденция присутствия и контроля государства в хозяйственной жизни. Государство было крупнейшим землевладельцем и отдавало земли в аренду.

Наряду с сельским хозяйством торговля стала для арабского мира главным делом. Помимо сбыта разнообразных продуктов собственного хозяйства на Ближнем и Среднем Востоке, арабские купцы занимались чрезвычайно выгодной в то время транзитной торговлей, с VIII в. контролируя значительные участки Великого шелкового пути, соединявшего Европу и Азию,

и сохраняя монополию на главный товар — китайский шелк.

Нельзя не отметить возникшую в торговой среде культуру торговли, деловых взаимоотношений торговцев с детально разработанными финансовыми инструментами, но также основанных на личном доверии и неписанном «кодексе чести купца». Транзитная торговля на большие расстояния неизбежно предполагала не только готовность к риску, но и открытость к новому, толерантность к чужому. Основой торговли служат финансы, и в халифате на протяжении столетия появляются новые виды профессиональных объединений (*гирад* — коммерческое товарищество), финансовых операций (*хавала* — передача долга, государственный заем, при котором роль облигаций выполняли долговые расписки) и финансовых инструментов (*вакф* — доверительный траст, *сакк* — банковский чек, *суфтаджа* — прототип векселя) [Мец, 1973; Мошенский, 2022, гл. 4].

В городах Халифата развивались ремесла: в сфере продовольствия (мельницы, сахароварни, маслопереработка), бытовых потребностей (мыловарение и парфюмерия), текстильное и швейное производство, ковроткачество; работали кожевники, гончары, кузнецы, плотники, кирпичники, красильщики, ювелиры, строители, корабельщики; перерабатывались большие объемы хлопка и шерсти. Ремесленники удовлетворяли потребности не только внутреннего рынка, но и поставляли потребительские товары и предметы роскоши на внешние рынки (парча, бархат, ковры, духи, ювелирные украшения, стеклянные изделия, оружие, зеркала, мыло, сахар, фрукты, пряности, благовония, красители).

Государство было заинтересовано в максимальном поступлении налогов, которые выплачивали экономические активные слои населения, а поэтому поощряло развитие торговли и ремесел, привлекало чужеземных торговцев, поддерживало почтовую службу, строило караван-сарай, содержало дороги и мосты. В то же время государство монополизировало закупку ряда материалов, необходимых для ремесленников

(золото, железо, лес, смола, квасцы). В IX в. возникла в краткосрочном плане выгодная для власти система откупов [Сурдель Д., Сурдель Ж., 2006, с. 319; Мец, 1973, с. 116–120].

По мнению Ф. Броделя, развивалась «монетарная экономика», и ее развитие «привело к появлению рыночной экономики» [Бродель, 2008, с. 97], а следующим этапом могло бы стать возникновение капиталистической экономики — однако то был рынок, жестко контролируемый государством.

В процессе торговли и финансовых операций возникали крупные частные состояния, и халифы обращались к их обладателям за займами. Столь же обычной практикой были изъятия и конфискация состояний бесправных частных лиц по воле халифа, что диктовалось государственной необходимостью или личным произволом. Такая потенциальная, но постоянная угроза привела к тезаврации крупных состояний, вместо производительного инвестирования превращавшихся в сокровища, хранившиеся втайне.

Тем не менее присущая империи экспансия проявлялась в Халифате не только в военных походах, но и в деятельности торговцев, несших товары, а с ними ценности и культуру в страны Запада и далеко на Восток — от Пиренейского полуострова до Центральной Азии, Индостана, Юго-Восточной Азии и даже Китая: «значительная часть отваги и энергии той эпохи удалась на базары и в конторы, там же жила и добрая порция поэзии с ее романтическими возможностями и побуждениями. А так как почти каждый купец был еще и путешественником, то цены товаров, курс тысячекратных прибылей переплетались с приключениями во всех странах, с широчайшим знанием света и людей. Да, мусульманской торговле IV–X вв. была свойственна горделивая осанка! Она стала хозяйкой в своем доме, во все стороны шли ее суда и караваны, она заняла ведущее место в мировой

торговле, Багдад и Александрия устанавливали цены (по крайней мере, на предметы роскоши) для человечества того времени» [Мец, 1973, с. 374].

По меткому наблюдению, «мусульмане захватили мир, который был упорядочен и усеян сотнями городов, полных потребителей, другими словами, граждан, платящих налоги. Так как каждый из них попал под власть халифата, все больше ресурсов и активов оказывалось во власти центра. Торговые пути, оазисы, города и природные ресурсы были распределены, а их использование распланировано. Порты, обеспечивающие морскую торговлю между Персидскими заливом и Китаем, были взяты под контроль, а транссахарские торговые пути — расширены» [Франкопан, 2021, с. 134]. Торговля шла по морю и через земли Центральной Азии. Поэтому богатели не только купцы, богатело и государство: покорение новых земель и народов приносили халифату огромные доходы в виде налогов. **«Наименьшая из моих земель приносит больше прибыли, чем все ваши владения»**, — заносчиво писал халиф Харун ар-Рашид византийскому императору в середине IX в. (цит. по: [Франкопан, 2021, с. 138]).

По торговым путям перемещались не только товары, но и идеи. Едва ли стоит называть арабских купцов средневековыми интеллектуалами, но все-таки именно они узнавали и переносили знания о других странах, народах и верованиях — о конфуцианстве, буддизме, зороастризме, исламе и христианстве. Возникшая в то время доступность бумаги сделала процесс сохранения и передачи знаний более простым, появляются десятки книг по географии, медицине¹⁰, ветеринарии, математике, астрономии, философии и с описанием путешествий. Символическая фигура Синдбада-морехода, предприимчивого купца, увлеченного познанием новых земель, стала верным образом той эпохи.

¹⁰ Так, в книге по медицине X в. предлагается подробный ответ на вопрос: «Как тревога сказывается на пульсе человека?». В трудах по фармакопее содержались не только рецепты лекарств, но и описание опытов их приготовления; в работах по оптике рассматривалась связь между мозгом и зрением [Франкопан, 2021, с. 143].

Стоит отметить и веротерпимость, в халифате сохранялись общины христиан и иудеев, хотя случались и вспышки религиозной нетерпимости. Багдад, Самарканд и Александрия стали мировыми центрами торговли и ремесел, а также утонченной и высокой культуры.

Коран запрещал изображения живых существ, поэтому наибольшее развитие на Ближнем и Среднем Востоке получила архитектура (а также каллиграфия и орнамент). На раннюю исламскую архитектуру повлиял византийский стиль, например храм Святой Софии Константинопольской, а также наследие доисламской сасанидской Персии. Арабская культура в известных пределах была открыта новому.

В крупных городах бурно развивалось строительство, что обеспечивало и подъем архитектуры. Д. Сурдель и Ж. Сурдель отмечают выдающийся профессиональный уровень арабских архитекторов и строителей, успешно решавших сложные инженерные задачи: «Гидравлические и санитарные устройства, создание систем канализации для воды, пара и дыма — которые в банях, например, достигали высокой степени искусства, — сооружение мостов, плотин и акведуков — все это дополняло собственно строительные проблемы» [Сурдель Д., Сурдель Ж., 2006, с. 315]. Точные расчеты были необходимы строителям для сооружения фортификационных сооружений вроде неприступного замка Салах ад-Дина в Сирии. Наконец, пристрастие арабских зодчих к изощренным декоративным формам требовало разработки геометрических схем и серьезных математических расчетов.

Оригинальность исламской архитектуры отражала изящество и энергию арабского письма и выразилась в пышном орнаментальном декоре мечетей и светских построек. Так, Куббат ас-Сахра (Купол Скалы) в Иерусалиме отражает и раннехристианские традиции (огромный купол), но в дальнейшем, в период Османской

империи, архитекторы перешли от одиночных куполов к сложным конструкциям с аркадами, окружающими центральный свод, снабженными меньшими куполами и полукуполами, рядами колонн, поддерживающих своды. Эти новые элементы видны, например, в хороводе 850 изящных гранитных, яшмовых и мраморных колонн в Большой мечети Кордовы, в тонких, как стрелы, минаретах, окружающих массивный купол мечети Сулеймание или мечети султана Ахмеда (Голубая мечеть) в Стамбуле. По оригинальности и великолепию архитектуры и декоративного убранства с ними могут сравниться погребальные комплексы Гур-Эмир в Самарканде и Тадж-Махал в Агре: «лучшие исламские постройки — это великолепная, полная чувственного обаяния архитектура. Цвет, особенно в форме сверкающих мозаик из стекла и золота, играет важнейшую роль в архитектурном декоре; керамические изразцы насыщенных синих, зеленых, красных и желтых оттенков используются во внешнем и внутреннем оформлении зданий» [Глэнси, 2007, с. 192].

Стоит отметить, что средневековые европейские архитекторы многому научились у коллег-мусульман. В частности, в период Крестовых походов были узнаны секреты стрельчатой арки, в дальнейшем ставшей одной из основ готики, которую великий английский архитектор Кристофер Рен предлагал называть «сарацинским стилем» [Глэнси, 2007, с. 193].

На арабский язык переводили множество текстов с греческого, персидского, сирийского языков. Поощряемая властью деятельность переводчиков сделала для арабских интеллектуалов доступными сотни трудов древних мыслителей. Появляются книголюбы, возникают библиотеки¹¹. В крупнейшей частной арабской библиотеке X в. насчитывалось свыше 200 тысяч книг, в то время как в Европе соборная библиотека в Констанце располагала лишь 356 томами, а со-

11 В X в. халиф Кордовы Ал-Хаким имел своих агентов на всем Востоке, они скупали для него первые списки; каталог его библиотеки в 400 тыс. рукописей состоял из 44 тетрадей по 20 листов каждая, куда были занесены только заглавия книг; его современник, великий книголюб кади Абу-л-Митриф в Кордове держал шесть переписчиков [Мец, 1973, с. 148, 150].

борная библиотека в Бамберге лишь 96 [Мец, 1973, с. 149]. Развивается арабская светская литература, проза и поэзия, имевшие и оригинальный («Ожерелье голубки» Ибн Хазма), и синкретический характер (сборник сказок «Тысяча и одна ночь» или морализаторско-дидактическая «Книга о Калиле и Димне») (см.: [Мец, 1973] Гл. 17).

Открытость арабских городов внешнему миру (исключая Мекку и Медину) обеспечивала интенсивные внешние контакты. Хотя христиане и иудеи селились в отдельных кварталах, господствовал дух веротерпимости. Например, в аббасидском Багдаде в день Пасхи христиане вместе с мусульманами шли в монастырь Самалу, находившийся возле городских ворот, и предавались там безудержным танцам [Сурдель Д., Сурдель Ж., 2006, с. 438]¹².

Образование и обучение обретали социальный престиж. Возникали десятки медресе, принадлежавших различным школам и течениям. В разных городах возникают «дома знаний», на основе частных библиотек, хозяева которых обеспечивали содержание переписчиков и читателей. Так, в X в. в доме рядом с мечетью Аль-Азхар возникла своеобразная «академия», со временем превратившаяся в знаменитый университет (см.: [Мец, 1973] Гл. 12). В IX в. в Багдаде и Дамаске благодаря поддержке халифа ал-Мамуна возникают обсерватории. Развиваются астрономия, алхимия, физика, математика, медицина.

Появились фигуры великих ученых аль-Бируни, аль-Фараби, ибн Сина (Авиценна), аль-Хорезми, Аль-Газали, Ибн Рушда, которые не только изучали наследие античных авторов Птолемея, Евклида, Гомера и Аристотеля, но и внесли свой весомый вклад в развитие математики, астрономии, философии, географии и других наук. Стоит отметить и тенденцию вольнодумства во взглядах энциклопедистов Аль-

Фараби и Ибн Сины, своеобразно соединявших греческое наследие и откровения Корана. Между тем, в европейской жизни еще господствовал взгляд, высказанный блаженным Августином о пагубности «болезни любопытства»: «Отсюда и желание рыться в тайнах природы, нам недоступных; знание их не принесет никакой пользы, но люди хотят узнать их, только чтобы узнать... Отсюда даже в религии желание испытать Бога: от Него требуют знамений и чудес не в целях спасения, а только чтобы узнать их» [Августин, 2008, с. 268]. В то время «фундаменталистами были не мусульмане, а христиане» [Франкопан, 2021, с. 145]. И лишь в эпоху Просвещения европейцам понадобилось полностью отказаться от своей традиции (в том числе от блаженного Августина) ради совершения исторического рывка в будущее без оглядки на прошлое, покорения мира вокруг них — сегодня и сейчас.

У сравнивавшего развитие западноевропейской и арабо-мусульманской цивилизаций Ф. Броделя имелись все основания для такого вывода: «И та и другая цивилизации опирались на городские общества, которые имели возможность пользоваться благами торговли и богатства; обе возникли в узком кругу блестящих умов, которые, вдохновляясь античной цивилизацией, внушающей им уважение и почтение, на несколько веков опережали свою эпоху. В обоих случаях рядом существовали варвары, угрожавшие их бытию» [Бродель, 2008, с. 98].

Однако слабость хозяйственных и политических связей между различными частями огромного государства, неутрачивающее соперничество различных групп и кланов внутри правящей верхушки, а затем формирование независимых и конкурирующих центров внутри халифата в Каире, Кордове и Дамаске, сдерживали поступательное развитие халифата и вели к распаду могучей империи. Оказывалось, что сами по себе сильная торговая экономика в со-

12 Христианские праздники отмечались почти по всему Халифату. Под праздник Богоявления — Рождества Христова все население Багдада на целую ночь зажигало огни, а в Египте отмечали «ночь погружения», когда толпы людей собирались на берегах Нила, чтобы пировать, пить и танцевать под музыку. Празднование коптского Нового года в Египте или персидского в Ираке или Испании также было всеобщим [Сурдель Д., Сурдель Ж., 2006, с. 438].

четании с эффективным сельским хозяйством и крупными городскими центрами не гарантируют устойчивого развития государства, ослабляемого войнами, эпидемиями, засухами и голодом.

Основанное на незыблемости учения пророка Мухаммеда исламское мировосприятие формировало консервативное мировоззрение. Хотя закрепляемое враждой суннитов и шиитов доктринальное разделение в исламе ослабляло потенциал Халифата, оно не угрожало его существованию, а обилие природных ресурсов побуждало к довольству существующим порядком. Экономический рост подменял экономическое развитие; нарастала тенденция общественного застоя. Реакцией со стороны предприимчивых арабов стала переориентация вовне: центрами притяжения торговцев и банкиров становились более активные городские центры в Италии, Англии и Нидерландах. В конечном счете кумулятивный эффект противоречий в сферах государственности, ислама и хозяйства привел к тому, что халифат раскололся на части и пал, уступив место Османской империи, начавшей реализацию собственного геополитического проекта развития. Исламская цивилизация отступила на несколько веков, с тем чтобы представить уже новый проект.

Стоит отметить, что в отличие от замкнутого в себе Китая, Арабский халифат и Османская империя оказались открытыми обществами. Более того, в течение столетий Османская империя оставалась великой *европейской* державой. Во многом поэтому мусульманские государства на протяжении XV–XVI вв. развивались активнее всего остального мира. Одновременно с продвижением турок-османов на запад, персидская династия Сефевидов обретала все большее могущество, сильные мусульманские ханства контролировали Великий шелковый путь через Кашгар и Турфан в Китай, на Западе Африки господствовали исламские государства Борну, Сокото и Тимбукту, на острове Ява индуистская империя пала под натиском мусульманских князей, а эмир Кабула Бабур основал в Индии

империю Великих Моголов [Кеннеди, 2018, с. 37].

Османская империя восстановила Халифат на немалой части его бывшей территории, завоевала часть Балкан и предложила миру свой проект, ставший продолжением и развитием имперского «халифатского проекта» и отчасти византийского (римского) проекта — ведь Константинополь был столицей Восточной Римской империи, и турки успешно использовали немало из ее наследия. Благодаря эффективному бюрократическому аппарату государство контролировало земли, населенные разными народами и обладающие огромными природными ресурсами на трех континентах. Ислам, арабский и турецкий языки, арабо-мусульманская культура господствовали на территории, превышающей владения Римской империи. Политика веротерпимости позволяла привлекать на службу государству самых разных людей, развивались экономика, наука и техника (математика, медицина, обработка металлов, оружейное дело, судостроение, картография и др.).

Как и в Китае, успешный ход развития по имеющейся модели порождал иллюзию необходимости стабильности, сохранения имеющегося порядка. Развивающаяся по своей логике имперская бюрократия усиливала централизацию управления, становившуюся излишней и уже стесняющей развитие, препятствующей инициативам и инакомыслию. Власть довольствовалась расточительством, непроизводительным расходом имеющегося потенциала. В свою очередь, мусульманские священнослужители враждебно относились к «опасным» идеям, к возраставшей самостоятельности торговцев и ремесленников. Между тем, хотя гильдии ремесленников, торговцев, производителей и менял обладали определенной автономией, как на Западе, их влияние на экономическую политику правительства, в отличие от западноевропейских цехов ремесленников и неуклонно наращивавших силу бюргеров, оставалось ограниченным. Политическая власть в Османской империи «была сконцентрирована в руках правителя и

окружавшей его государственной элиты... В результате общества Среднего Востока не развили более независимых от государства и государственной элиты и больше благоприятствующих частному сектору институтов» [*Кембриджская история капитализма*, т. 1, 2021, с. 268].

Религиозный и культурный консерватизм и скованность новых социальных групп жесткими нормами социально-политической жизни позволял обществу развиваться инерционно. Но такой экономический рост не обеспечивал нового качества общества, и поэтому в конечном счете ослаблял потенциал «исламской» или «османской модели».

По мнению Д. Сурделя и Ж. Сурдель, исламская цивилизация «все время ориентировалась на прошлое» [Сурдель Д., Сурдель Ж., 2006, с. 14]. Типологически это (наряду с господством государства в общественной жизни и отсутствием независимых социальных институтов) сближало ее с византийской и китайской цивилизациями. Для трех великих империй названные обстоятельства (несмотря на различия в природных условиях и в историческом пути) в то время ограничивали перспективы развития.

Во всех трех случаях государства-империи строились на династическом принципе. На первый взгляд, Западная Римская империя возникла на таком основании — но лишь формально: по существу, она строилась на иерархическом принципе с последовательным подчинением высшей власти императора — королей, власти королей — глав герцогств, власти герцогов — иных крупных землевладельцев, графов и баронов. По мере концентрации физического капитала военной силы у отдельного правителя и концентрации экономического капитала в отдельных городах — в пределах феодаль-

ных образований, а также наличия там «права собственности, определенного более четко, чем в османской традиции, в силу существования более сильного права вообще» [Бурдые, 2022, с. 363], они обретали возможность относительной самостоятельности и конкуренции с номинальным центром империи. Более высокая централизация и унификация общественной жизни в Византийском, Китайском и Арабском имперских образованиях, напротив, замедляли социально-политические процессы.

Спустя несколько столетий выяснилось, что выжившая на Востоке традиция не только способствует социальной устойчивости общества в период модернизации, но и предлагает ориентиры для будущего развития¹³. Но этот поворот Востока от проекта Просвещения случится лишь в XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Августин А. *Исповедь*. СПб.: Азбука-Классика, 2008. 400 с. [Augustine. *Confessiones*. St. Petersburg: Azbuka-Klassika, 2008. 400 p. (in Russian)].

Бонгард-Левин Г. М. Будда и основы его учения. *Древняя Индия: история и культура*. М.: Наука, 2008. С. 189–201 [Bongard-Levin G. M. Buddha and the Foundations of His Teachings. *Ancient India: History and Culture*. Moscow: Nauka, 2008. Pp. 189–201 (in Russian)].

Браунворт Л. *Забывтая Византия, которая спасла Запад*. М.: Астрель, 2012. 411 с. [Brownworth L. *Lost to the West: The Forgotten Byzantine Empire That Rescued Western Civilization*. Moscow: Astrel, 2012. 411 p. (in Russian)].

Васильев А. А. *История Византийской империи*. Т. 2. *От начала Крестовых походов до*

13 «Результатом поворота Китая к крайней форме неолиберального капитализма стал необыкновенный период экономического роста, — отмечал американский китаист М. Пьюэтт. — К началу XXI в. в Китае поднялась дискуссия о самосознании: утратил ли Китай свои ценности и стал ли он миром, где все решают попросту богатство и власть. И в этом споре Конфуций вернулся» [Рудольф, Суньи, 2023, с. 229]. Следующую характеристику можно отнести не только к Китаю: «После столетия отрицания его традиций мы видим необыкновенный момент в китайской истории, когда прошлое активно обсуждается, интерпретируется и присваивается заново» [Рудольф, Суньи, 2023, с. 231].

падения Константинополя. СПб.: Алетея, 1998. 592 с. [Vasiliev A. A. *History of the Byzantine Empire. Vol. 2. From the Beginning of the Crusades to the Fall of Constantinople*. St. Petersburg: Aletheya, 1998. 592 p. (in Russian)].

БСЭ (Большая советская энциклопедия). Т. 5. М.: Советская Энциклопедия, 1950 [GSE, *Great Soviet Encyclopedia*. Vol. 5. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1950 (in Russian)].

Бродель Ф. *Грамматика цивилизаций*. М.: Весь мир, 2008. 552 с. [Braudel F. *Grammaire des civilization*. Moscow: Ves' Mir, 2008. 552 p. (in Russian)].

Гийу А. *Византийская цивилизация*. Пер. с франц. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 552 с. [Guillou A. *La civilisation Byzantine*. Ekaterinburg: U-Factory, 2005. 552 p. (in Russian)].

Глэнси Дж. *Архитектура*. М.: АСТ, Астрель, 2007. 512 с. [Glancey J. *Architecture*. Moscow: AST, Astrel, 2007. 512 p. (in Russian)].

Еремеев В. Е. *Введение в историю мировой науки и техники*. М.: Восточная литература, 2012. 303 с. [Eremeev V. E. *Introduction to the History of World Science and Technology*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2012. 303 p. (in Russian)].

История Китая: Учебник. А. В. Меликсетов (ред.). М.: МГУ, ОНИКС, 2004. 752 с. [*History of China: Textbook*. Ed. by A. V. Meliksetov. Moscow: MSU Publ., ONICS, 2004. 752 p. (in Russian)].

История мировых цивилизаций. Г. В. Драч, Т. С. Паниотова (ред.). М.: Кнорус, 2012. 464 с. [*History of World Civilizations*. Ed. by G. V. Drach, T. S. Paniotova. Moscow: Knorus, 2012. 464 p. (in Russian)].

Кембриджская история капитализма. Т. 1. *Подъем капитализма: от древних истоков до 1848 г.* А. Володин (ред.). М.: Ин-т Гайдара, 2021. 800 с. [*The Cambridge History of Capitalism*. Vol. 1. *The Rise of Capitalism: From Ancient Origins to 1848*. A. Volodin (Ed.). Moscow: Gaidar Institute, 2021. 800 p. (in Russian)].

Кеннеди П. *Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г.* Екатеринбург: ГОНЗО, 2018. 848 с.

[Kennedy P. *The Rise and Fall of Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. Ekaterinburg: GONZO, 2018. 848 p. (in Russian)].

Колпакова Г. С. *Искусство Византии. Ранний и средний периоды*. СПб.: Азбука-Классика, 2005. 524 с. [Kolpakova G. S. *The Art of Byzantium. Early and Middle Periods*. St. Petersburg: Azbuka-Klassika, 2005. 524 p. (in Russian)].

Колпакова Г. С. *Искусство Византии. Поздний период 1204–1453 гг.* СПб.: Азбука-Классика, 2010. 316 с. [Kolpakova G. S. *The Art of Byzantium. Late Period 1204–1453*. St. Petersburg: Azbuka-Klassika, 2010. 316 p. (in Russian)].

Корытко О. *История нехристианских религий*. М.: Познание, 2017. 416 с. [Korytko O. *History of Non-Christian Religions*. Moscow: Poznanie, 2017. 416 p. (in Russian)].

Ле Гофф Ж. *Рождение Европы*. СПб.: Alexandria, 2014. 397 с. [Le Goff J. *The Birth of Europe*. Saint Petersburg: Alexandria, 2014. 397 p. (in Russian)].

Ливен Д. *Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней*. М.: Европа, 2007. 688 с. [Lieven D. *The Russian Empire and Its Rivals from the 16th Century to the Present*. Moscow: Европа, 2007. 688 p. (in Russian)].

Мейендорф И. *Церковь в истории. Статьи по истории Церкви*. М.: Эксмо, 2018. 1010 с. [Meyendorff J. *Church in History. Papers on the History of the Church*. Moscow: Eksmo, 2018. 1010 p. (in Russian)].

Мец А. *Мусульманский Ренессанс*. М.: Наука, 1973. 473 п. [Mez A. *Die Renaissance Des Islâms*. Moscow: Nauka, 1973. 473 p. (in Russian)].

Мошенский С. *Больше чем деньги. Финансовая история человечества от Вавилона до Уолл-Стрит*. М.: Альпина Паблишер, 2022. 632 с. [Moshensky S. *More Than Money. The Financial History of Humanity from Babylon to Wall Street*. Moscow: Alpina Publisher, 2022. 632 p. (in Russian)].

Муратов П. *Образы Италии*. М.: Республика, 1994. 592 с. [Muratov P. *Images of Italy*. Moscow: Republic, 1994. 592 p. (in Russian)].

Переломов Л. С. *Конфуцианство и легизм в политической истории Китая*. М.: Наука, 1981. 340 с. [Perelomov L. S. *Confucianism and Legalism in the Political History of China*. Moscow: Nauka, 1981. 340 p. (in Russian)].

ПЭ (*Православная Энциклопедия*). В 68 т. Т. 8. М.: Православная Энциклопедия, 2004. 748 с. [*Orthodox Encyclopedia*. In 68 Vols. Vol. 8. Moscow: Orthodox Encyclopedia, 2004. 748 p. (in Russian)].

ПЭ (*Православная Энциклопедия*). В 68 т. Т. 46. М.: Православная Энциклопедия, 2017. 752 с. [*Orthodox Encyclopedia*. In 68 Vols. Vol. 46. Moscow: Orthodox Encyclopedia, 2017. 752 p. (in Russian)].

Рансимен С. *Восточная схизма. Византийская теократия*. М.: Наука, 1998. 239 с. [Runciman S. *The Eastern Schism. The Byzantine Theocracy*. Moscow: Nauka, 1998. 239 p. (in Russian)].

Рудольф Дж., Суньи М. *Китайское чудо. Критический взгляд на восходящую державу*. М.: АСТ, 2023. 320 с. [Rudolph J., Szonyi M. *The China Questions. Critical Insights into a Rising Power*. Moscow: AST, 2023. 320 p. (in Russian)].

Сурдель Д., Сурдель Ж. *Цивилизация классического ислама*. Екатеринбург, У-Фактория, 2006. 544 с. [Sourdel D., Sourdel J. *La Civilisation de l'Islam Classique*. Ekaterinburg: U-Factory, 2006. 544 p. (in Russian)].

Торчинов Е. А. Предисловие. *Религии Китая. Хрестоматия*. СПб.: Евразия, 2001. С. 5–8. [Torchinov E. A. Preface. *Religions of China*. St. Petersburg: Eurasia, 2001. Pp. 5–8 (in Russian)].

Франкопан П. *Шелковый путь: дорога тканей, рабов, идей и религий*. Пер. с англ. 2-е изд. М.: Эксмо, 2021. 864 с. [Frankopan P. *The Silk Roads: A New History of the World*. Tr. from Eng. 2nd Ed. Moscow: Eksmo, 2021. 864 p. (in Russian)].

Херрин Дж. *Византия. Удивительная жизнь средневековой империи*. М., Центрполиграф, 2018. 415 с. [Herrin J. *Byzantium. The Surprising Life of a Medieval Empire*. Moscow: Centrpoligraf, 2018. 415 p. (in Russian)].

Яковлев А. И. Завершение «проекта Просвещения» для Запада и Востока. Часть I. Общие положения и творцы проекта. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023а. № 1. С. 13–35 [Yakovlev A. I. The Finale of the “Enlightenment Project” for the West and the East. Part I. Keynotes and the The Creators. *Oriental Courier*. 2023а. No. 1. Pp. 13–35 (in Russian)].

Яковлев А. И. Завершение «проекта Просвещения» для Запада и Востока. Часть II. Реформация и революция. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023b. № 2. С. 13–28 [Yakovlev A. I. The Finale of the “Enlightenment Project” for the West and the East. Part II. Reformation and Revolution. *Oriental Courier*. 2023b. No. 2. Pp. 13–28 (in Russian)].

